

В итоге, можно сказать, что доброта, доброжелательность, дружелюбие, которыми славились русские люди в прошлом, постепенно трансформируются в неприязнь и агрессивность; общий моральный климат в обществе снижается, моральная деградация общества считается угрозой, сопоставимой со снижением уровня жизни, разрушением традиционных ценностей.

В заключение отметим, что выявление основных тенденций развития общества, анализ реальных проблем страны, отказ от стереотипов и мифов являются необходимыми формами развития общественного сознания, способствуя дальнейшему прогрессу общества.

Библиографический список

1. Назаров И.В. Мифы современной России // Цивилизационные перемены в России. 2011. Екатеринбург. С. 89–101.
2. Аскольдов С.А. Религиозный смысл русской революции // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 210–249.
3. Клюев Н.Н. Россия на мировой карте социального благополучия // Вестник РАН. 2009. № 7. С. 637–642.
4. Абрамов М.О. Некоторые направления модернизации // Свободная мысль. 2011. № 2. С. 57–70.
5. Иншаков С.М., Корсантия А.А., Максименко И.В. Теоритические основы исследования и анализа латентной преступности. М., 2011. 839 с.
6. Юрьевич А.В., Ушаков Д.В. Экспертная оценка динамики психологического состояния российского общества 1981–2011 гг. // Вестник РАН. 2012. № 10. С. 930–937.
7. Юрьевич А.В. Ассоциальная социализация как основа нравственной деградации общества // Вестник РАН. 2011. № 1. С. 3–10.

ГРНТИ 02.41.51

УДК 159.922

С.В. Коваленко
МГОУ, Москва

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ КАК СИСТЕМА ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРОВ ИСТОРИЧЕСКОЙ САМООРГАНИЗАЦИИ РУССКОГО НАРОДА

Статья посвящена исследованию объективных и субъективных факторов формирования ментальных символов мифологического сознания. Рассматриваются вопросы роли мифологического мировосприятия в процессах самоорганизации конкурирующих этносов к специфике конкретных природно-климатических и

геополитических условий жизнедеятельности. В статье приводятся объективные причины формирования образа «своих» и «чужих» в этнической историко-культурной конкуренции за свое жизненное пространство.

Ключевые слова: мифологическое сознание, самоорганизация, антропология, архетипы коллективно-бессознательного, тотемные символы, конкуренция, жизненное пространство.

Совершающийся перелом цивилизационного развития современной России сопровождается сменой парадигмы мышления. Отказ от традиционной системы ценностей и попытка радикального перехода к либеральным рыночным отношениям порождает настроения кризиса в общественном сознании. Возникает угроза утраты национальной идентичности, преемственности духовно-нравственных ориентиров личности прошлого и настоящего. Очевидно, что сохранение духовных традиций национальной идентичности определяется системой сказок, через действие которых проявляется и действует мифологическое сознание. В его рамках происходит процесс историко-культурной самоорганизации этнических сообществ и формирование образа «своих» в противостоянии с «чужими».

Традиционно исследование фольклора занимались филологи, точка зрения которых заключалась в утверждении, что мифы, сказки и легенды придумал либо жрец, либо сказочник-гуслир [1]. Естественно, возникает вопрос, насколько сказители были свободны в своем самовыражении, было ли их творчество проявлением народной словесности? Необходимость ответить на этот вопрос требует выявления оценки сущности и содержания мифологического мировоззрения. Философско-методологической основой понимания сущности мифологического сознания являются идеи В.И. Вернадского, рассматривавшего историческое развитие человечества как способность человека преобразовать биогеохимическую энергию живого вещества в энергию человеческой культуры, которая создает в настоящее время ноосферу [2, с. 95].

Конкретизация идеи В.И. Вернадского может быть осуществлена с помощью концепции «третьего мира» К. Поппера. В рамках этой концепции первый мир представляет собой реальность, существующую объективно. Второй мир отражает состояние индивидуального сознания и его активность. Третий мир – это мир духовного: научных идей, поэтических мыслей, этических ценностей [3, с. 439–440].

Согласно концепции К. Поппера, мир духовного или мифологического сознания представляет собой устойчивую систему принципов, ценностей и установок на деятельность отражающих реальность бытия этноса. Необходимость мифологического сознания обусловлена

тем, что в его рамках личность ведет поиск цели и смысла жизни во взаимодействии со своими соотечественниками. Поэтому духовная жизнь индивида представляет собой сложную систему полевого взаимодействия природных факторов, подсознания и сознания, действия микро и макросоциальной среды обитания. Мифологическое сознание представляет собой универсальность действия законов сохранения энергии, взаимодействия духа и вещества в созидательной консолидации социума, направленной на созидание общественно-значимых ценностей.

Осуществление анализа мифологического сознания как системы взаимодействия духа и вещества дает возможность исследователям выявить объективные предпосылки историко-культурной самоорганизации этнических сообществ. Создаются предпосылки для перехода от установки на признание единственным источником истинного исторического знания данных археологических находок и письменных свидетельств к исследованию мифов и сказок конкурирующих этносов (как историко-культурных свидетельств самоорганизации этнических сообществ).

Дошедшие до нас через тысячелетия мифы и сказки сохранили опыт выживания и развития этноса в конкретных природно-климатических и геополитических условиях. Объективной основой сохранения такого опыта является необходимость рационального использования энергетики взаимодействия духа и вещества в конкретных природно-климатических и геополитических условиях, которая обеспечивает целостность, стабильность и развитие общности, в том числе, государства.

Мифы и сказки создают синергетический эффект феномена этнической самоорганизации в естественной конкуренции за энергетические ресурсы жизнедеятельности. В этом контексте необходимо подчеркнуть мнение М.Л. Гумилева, считавшего, что мифологическое сознание этноса представляет собой естественно сложившийся оригинальный стереотип поведения коллектива людей. Этнос «существует как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [4]. Энергетическая природа мифологического сознания создает полевой эффект, стимулирующий субъектов этноса к активной деятельности. К. Левин, описывая феномен поля как пространственно-временной континуум, отметил, что его движущей силой является противоречие в виде феноменов валентности – своего рода энергетических зарядов, вызывающих у человека энергетическое напряжение, требующее разрядки. [5]. В контексте полевого подхода

феномен мифологического сознания можно рассматривать, как важнейший инструмент воспитания и обучения, формирования эмоций и чувств национальной идентичности.

Процесс историко-культурной самоорганизации этнических сообществ предполагает накопление тысячелетнего опыта жизнедеятельности в конкретных природно-климатических и геополитических условиях. Этот опыт действует как архетипы особого рода, надличностные (видовые, групповые) способы восприятия и реагирования на происходящие вокруг человека события повседневности. Они определяют согласованность поведения людей, относящихся к некоторому «коллективу» филогенетического толка (например, к одному этносу)» [6, с. 36].

Согласно К. Юнгу и его современным последователям, *коллективно-бессознательное* – это изначальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов. Их действие априорно формирует систему ощущений и активность воображения, которые проявляют себя в фантазиях, мифах, верованиях, сновидениях, художественных произведениях и т. д. Архетипы коллективного бессознательно могут быть описаны, как «трансформированные в образы психические процессы или как первичные модели человеческого поведения». [7, с. 429]. Их роль и значение заключаются в создании коллективного бессознательного, влияющего на социальное поведение больших масс людей через полевой феномен мифологического сознания.

Исходя из теории В.И. Вернадского, следует признать, что каждый этнос формируется под влиянием специфики энергетики конкретных природно-климатических условий жизнедеятельности, которые формируют генетический код и антропологические бессознательные программы преобразования биогеохимической энергии в энергию человеческой культуры. Роль мифологического сознания определяется возможностью преобразовать антропологический потенциал индивидуальных и групповых бессознательных программ жизнедеятельности в процессе созидания общественно-значимых ценностей [8]. Индивидуальная программа включает в себя инстинкты: сохранения жизни и её обеспечения; копирование моделей поведения старших; самореализации потенциала своих задатков и способностей через самоутверждение своего «я».

Педагогическая роль мифологического сознания реализуется через сказки, как своего рода руководство ребёнка к действию (на разных возрастных этапах жизнедеятельности). Групповая антропологическая программа действует как система генетических установок: продолжения рода, родительского альтруизма и способности к общению

посредством речевой деятельности. Коллективное прослушивание сказок и мифов через системы импринтинга формирует общность мифологического мировосприятия и чувства этнической, а затем и национальной идентичности. Её основой является система ментальных предпосылок возникновения и развития такого уровня общения, которые сплачивают «своих» и создают отталкивающий образ «чужих». Свои – это кровные родственники, «чужие» – это инородцы. Мифы и предания становятся социальным механизмом возникновения такой социальной организации кровных родственников, как род [9, с. 83].

Десятки слов с корнем «род» донесли до нас представления пращуров о значении рода как того, что объединяет «своих» со своей матерью-землей. От слова «род» образовались слова: родители, родственники, родичи, родинка, родной. Слово родина означает место рождения рода, закрепленный за родом участок, где производили и хранили жизненные припасы, он был назван словом «зарод», а всё окружающее, обеспечивающее существование рода, названо «природа».

Исследование мифологического сознания пращуров возможно через анализ народных сказок, представляющих собой многоплановое повествование о жизни, о добре и зле, о смыслах, истинных ценностях, жизненных предназначениях человека [10, с. 103].

Изначальным героем мифологического сознания русского народа был, есть и остается медведь. Сказка «Жадная старуха» свидетельствует, что наши пращуры почитали хозяина языческого леса, медведя, как бога. Его сила и мудрость, по мнению наших пращуров, отразилась в имени хозяина леса – медведя, как «мед ведающего». Культурная традиция производства изделий из меда, а значит, почитания медведя как своего символа была неотъемлемым признаком древних русских. По свидетельству арабских путешественников, среди восточных славян есть люди, которые имеют у себя 100 больших кувшинов медового напитка [11]. Естественно, что это богатство необходимо было защищать от вторжений древних греков и германо-скандинавских племен. В мифологическом сознании пращуров бытовало множество преданий о связи женщины с медведем, от которой рождаются герои обширного цикла русских сказок типа Ивана Медвежье Ушко (Медведко).

Глобальное изменение климата стало толчком движения степных племен на территорию Европы, где доминировали племена, почитавшие медведя. Племена кочевников не просто почитали волка, но стремились подражать повадкам этого хищника, для которого охота на стадных копытных была единственным средством выживания.

Римская легенда рассказывает о капитолийской волчице, вскормившей Ромула и Рема; древнеиранская – о волчице, вскормившей Кира и т. д. У степных тюркских народов волк воспринимался как родовой тотем, отсюда знамена и штандарты с волчьей головой. Герой-родоначальник, вождь племени или дружины мог называться волком или имеющим «голову (тело) волка». В мифах и сказках бывших кочевников тотемные символы древних греков, англосаксов и германских племен – лев и волк – объединялись в борьбе против племен, почитавших медведя. Саги тевтонов, саксов, готов, вандалов утверждали простую заповедь эпохи завоевательных походов. «Конунг должен воевать, а не пахать землю» [12, с. 37].

В отличие от мифологического сознания бывших кочевников мировосприятие племен с тотемом медведя акцентировало внимание на возможности людей использовать растительные ресурсы леса в своём питании. Эта особенность русского человека стала основой появления сказок и былин, почитавших труд земледельца и защитника леса от вторжений. В мифологическом сознании русского народа нет культа завоевательных походов в целях грабежа. Эта специфика мифологического сознания русского человека проявилась в его самоопределении в форме прилагательного – русский, в отличие от самоопределения французов, немцев, испанцев через существительное. Ментальность племен, почитавших медведя, была направлена на создание союзов, готовность включать в свой состав всех тех, кто признавал значение труда земледельца и защиты своей земли-матери.

О создании подобных союзов свидетельствует сказка «Иван царевич и серый волк». Сказка рассказывает о том, как волк съел коня Ивана царевича, но сила русского медведя заставила раскаяться волка и предложить себя вместо коня. Волк обратился к Ивану царевичу со словами: «Ой ты гой еси, добрый молодец!» Слово «гой» было древнейшим обозначением связей «своих», между которыми действовали неоспариваемые принципы сотрудничества и взаимной поддержки. Для наших пращуров данная фраза буквально означала: «Ты есть наш, наших кровей» [13, с. 228]. Понятие «гой» дошло до нас в слове «изгой» – отвергнутый член общины, ставший чужим.

Некоторые кочевые племена, присоединившиеся к славянскому союзу, сохраняли свою веру в волка, почитая его как божество и предка. Для них придумали иносказательное именование, они стали называться лютичами. Сказка свидетельствует о способности племен с тотемом медведя создавать союзы из представителей разных родов, ощущавших себя русскими.

Архетипы мифологического сознания русского народа, действуя на уровне коллективно-бессознательного масс, отрицают захватнические войны. Эта особенность мировосприятия русских садоводов и земледельцев проявила себя в былинах «Святогор и тяга земная», «Вольга и Микула». В них богатырь – великан Святогор – уступает место защитника народа героям земледельцам (это украинский Котыгорх, русские Микула Селянинович и Илья Муромец).

Противоречие интересов аристократии и крестьянства показано в былине «Вольга и Микула». Князь, воин, приглашает простолюдина принять участие в военном походе. Только выяснив цели дружины Вольги и признав, что «живут мужики там разбойники», пахарь Микула соглашается принять участие в военной акции [14, с. 98]. Историческая память и система ценностей русского народа очень четко свидетельствует об отказе от культа завоевательных войн.

С X в. германские феодалы последовательно проводили политику крестовых походов на Восток с целью расширения жизненного пространства путем уничтожения славянства. Мифологическим символом сопротивления захватчикам стали старые тотемы славян: медведь, сокол и кошка.

Это сопротивление вынудило немецких феодалов сохранять боевые символы славян в виде гербов городов и в своих титулах. Наряду с Берлином, широко известным своим гербом в виде медведя, к востоку от этого города до сих пор существует не менее 12 городков, имеющих своей эмблемой медведя, его голову или лапы. Характерно, что медведь в германской геральдике изображается с открытой пастью, где четко видны зубы и язык. Такая символика говорит о силе сопротивления тех племен и народов, тотемом которых был медведь.

В соседних чешских и моравских землях, прилегающих к германским территориям с юго-востока, также есть несколько городов, эмблемой которых остался медведь. Находящиеся восточнее реки Одер земли, вплоть до Новгородских земель, были населены в древности куявами, мазовшанами, поляками, литовцами, пруссами, латышами. Эти народы, в отличие от русских, в качестве своих племенных тотемов почитали коней, вепров, бобров, но не медведей. В данном регионе ни один современный населенный пункт не имеет изображения медведя на своих эмблемах. Однако, начиная с земель славянокривичей, эмблема медведя появляется вновь и уже непрерывно идет цепочкой вплоть до Зауралья. Гербы Новгорода, Ярославля и других русских городов включают в себя образ медведя.

В контексте альтернативности мифологического сознания русского народа и германских племен сообщение летописи «Повесть

временных лет», написанной в XII веке, о призвании на княжение братьев-варягов Синеуса, Рюрика и Трувора следует трактовать однозначно. На восток уходили западные славяне, они шли к своим единоверцам, почитавшим медведя. Западные и отечественные либеральные историки стараются доказать, что призванные князья были норманнами, которые стали создателями государства восточных славян. Сторонники этой точки зрения не могут аргументировать свои позиции ссылкой на шведские, датские, германские легенды, предания и летописные свидетельства, пытаясь игнорировать альтернативность систем мифологического мировосприятия.

Исторический опыт самоорганизации русского народа свидетельствует о значении ценностей и традиций мифологического сознания, отраженного в сюжетах сказок и преданий. Любые попытки правящей элиты игнорировать традиции ценности мифологического сознания рано или поздно заканчиваются выдвижением новой силы. Её роль будет заключаться в способности использовать коллективно-бессознательные ценности мифологического сознания, стабилизировать социально-психологические отношения в новой России на основе принципов социальной справедливости и чувств национальной идентичности.

Библиографический список

1. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: Эксмо, 2005. 608 с.
2. Вернадский В.И. Размышления натуралиста // Научная мысль как планетное явление. Кн. 2. М.: Наука, 1977. 191 с.
3. Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1983. – 605 с.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: ДИ-ДИК, 1997. 640 с.
5. Левин К. Разрешение социальных конфликтов / пер. с англ. СПб: Речь, 2000. 408 с.
6. Ольшанский Д.В. Политико-психологический словарь. М: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 576 с.
7. Якоби И. Психологическое учение К.Г. Юнга // Юнг К.Г. Дух и жизнь. М., Практика 1996. 470 с.
8. Коваленко С.В. Антропологические основы ноосферогенеза М.: Флинта, Наука, 2005. 288 с.
9. Белков П.Л. Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации: генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции: памяти Л.Е. Куббея. М.: Наука, 1993. С. 136–158.

10. Одинцова М.А. Сказкотерапия как одно из направлений психологической помощи молодежи с ограниченными возможностями здоровья // Инновационные технологии обеспечения социально-психологической адаптации и готовности к труду детей и молодежи с ограниченными возможностями здоровья. Ч. II. М., МГОУ 2014. С. 103–109.

11. Гудзь-Марков А.В. Домонгольская Русь в летописных сводах V–XIII вв. М.: Вече, 2005. 480 с.

12. Мельникова Е.А. Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. 416 с.

13. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 311 с.

14. Былины / сост., автор предисл. и ввод. текста В.И. Калугин. М.: Современник, 1986. 559 с.

ГРНТИ 13.11.22

УДК 008.316.6

Е.Л. Яковлева
КИУ им. В.Г. Тимирязова, Казань

СОВРЕМЕННЫЕ МИФОЛОГИЗАЦИИ ГЛАМУРНОЙ ИДЕОЛОГИИ

Объектом исследования становится миф в контексте современной идеологии гламура. Обладая гибкими свойствами, миф подстраивается под современные гламурные тенденции, наделяя их чертами чудесности. Посредством мифа в массовое сознание внедряются идеи гламура, связанные с вечной красотой, молодостью и богатством, но они оказываются деформированными. Вследствие невозможности изгнания мифа из социокультурного пространства над ним необходимо рефлексировать.

Ключевые слова: миф, гламур, идеология, мифологизация, манипуляция, идеальное, образ.

Как известно, «каждая культурно-историческая эпоха порождает определенный набор жизненных доминант», воспринимаемых «как норма, образ жизни и господствующее мировоззрение» [1, с. 5]. Сегодня довольно мощным орудием управления миром можно назвать гламур и его ценностные доминанты в виде красоты, молодости и богатства. Подчеркнем, ключевые идеи и образы гламура, внедряясь в массовое сознание, активно мифологизируются. Данная мифологизация неслучайна. Миф представляет собой «вечную символическую форму»: его проявления обнаруживаются в каждой культурно-исторической эпохе. Более того, миф оказывается довольно удобной